

Машиночитаемое право как инструмент цифровой трансформации государственного управления

В. Д. Горбачев

советник отдела по вопросам нотариата

Министерства юстиции Российской Федерации.

Адрес: Министерство юстиции Российской Федерации,
119991, Москва, ул. Житная, д. 14.

E-mail: gorbachev2011@mail.ru

Machine-readable Law as a Tool for Digital Transformation of Public Administration

V. D. Gorbachev

Advisor of the Notary Department

of the Ministry of Justice of the Russian Federation.

Address: Ministry of Justice of the Russian Federation,
14 Zhitnaya Street, 119991, Moscow, Russian Federation.

E-mail: gorbachev2011@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования в настоящей статье является явление машиночитаемого права в контексте возможности его применения в качестве инструмента цифровой трансформации государственного управления. В настоящей работе автором использованы общенаучный диалектический метод познания, метод системного анализа, а также частнонаучные методы, такие как историко-правовой, сравнительно-правовой. Научная новизна работы заключается в том, что исследование сосредоточено на перспективах и концептуальных проблемах машиночитаемого права в логике основных тенденций преобразования системы функционирования органов государственной власти, а также на его потенциале для повышения эффективности и прозрачности правоприменительных процессов. Автор отмечает приоритетную роль машиночитаемого права в интеграции в государственное управление иных перспективных технологических решений, таких как искусственный интеллект, большие данные, машинное принятие решений. В выводах подчеркивается значимость машиночитаемого права для модернизации управления, решения проблем, связанных с внедрением цифровых технологий, и обеспечения информационного суверенитета государства. Выделяется также центральная проблема интеграции технологий машиночитаемого права в отрасли государственного управления, под которой понимается проблема перевода юридических текстов в машиночитаемый формат, достижение необходимого и достаточного уровня соответствия программного языка языку юридическому, что требует дальнейших методологических и технологических решений.

Ключевые слова: информатизация, автоматизация, цифровизация, искусственный интеллект, государственные услуги, административные регламенты, алгоритм, алгоритмизация права, информационные технологии, информационное пространство, государственный суверенитет, информационная безопасность, технологии, большие данные, блокчейн, нормотворчество, правоприменение, регулирование.

Abstract

The subject of this article is the phenomenon of machine-readable law in the context of its potential application as a tool for digital transformation of public administration. In this paper the author uses general-scientific dialectical method of cognition, system analysis method, and also private-scientific methods, such as historical-legal, comparative-legal. The scientific novelty of the work is that the study focuses on the perspectives and conceptual problems of machine-readable law in the logic of the main trends of transformation of the system of functioning of public authorities, and also on its potential to increase the efficiency and transparency of law enforcement processes, the author notes the priority role of machine-readable right in integrating other promising technological solutions, such as artificial intelligence, into public administration, big data, machine decision-making. The conclusions of the work emphasize the importance of machine-readable right for modernizing management,

solving problems related to the introduction of digital technologies and ensuring the information sovereignty of the state. However, the author highlights the central problem of integrating machine-readable law technologies in public administration, which is understood as the problem of translating legal texts into a machine-readable format. Achieving the necessary and sufficient level of conformity of the software language with the legal language, which requires further methodological and technological solutions.

Keywords: informatization, automation, digitalization, artificial intelligence, public services, administrative regulations, algorithms, algorithmic law, information technologies, Information space, state sovereignty, information security, technology, big data, blockchain, lawmaking, enforcement, regulation.

Возникновение феномена информационного общества обусловило необходимость перестраивания сложившихся моделей публичного управления. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы уже сейчас определена одной из национальных целей развития Российской Федерации в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Ориентация современного государственного аппарата на цифровизацию и информатизацию подчеркивают необходимость внедрения новейших инструментов в рассматриваемой сфере. Одним из таковых является машиночитаемое право.

Несмотря на то, что машиночитаемое право воспринимается как категория современности, теоретико-методологические открытия в данной области датируются серединой прошлого века. В науке разработку теорий использования в том или ином виде мощностей электронных вычислительных машин в сфере юриспруденции связывают с появлением исследований в области кибернетики (напр., работы Н. Винера, Д. А. Керимова). Со стремительным развитием технической и технологической вооруженности государств концепция машиночитаемого права подвергалась исследованиям с различных точек зрения как в отечественной доктрине, так и за рубежом. Однако рассмотрение машиночитаемого права как инструмента цифровой трансформации государственного управления требует по существу выработки иного подхода к использованию данной категории, исследования вопроса о его значении в контексте осуществления государством возложенных на него функций.

Для достижения цели настоящей работы представляется необходимым определиться с пониманием базовых категорий. Так, под цифровой трансформацией в общем виде принято понимать процесс фундаментальных преобразова-

ний в некоторой области общественных отношений, сопряженных с внедрением современных цифровых решений и направленных на стратегическое переустройство status quo в целях достижения наибольшей эффективности изменяемого явления [22. – С. 9; 18. – С. 223–225].

В решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» цифровая трансформация определяется как «проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов».

В отличие от внедрения отдельных цифровых технологий в модернизируемую область, или цифровизации [12. – С. 296–298.], цифровая трансформация характеризуется широким спектром производимых изменений: от модернизации технической инфраструктуры, автоматизации базовых операций до изменения моделей управления и формирования новых подходов к взаимодействию с клиентами (контрагентами), выстраиванию ранее не существовавших (не применявшихся) цепочек взаимодействия. При этом соотношение категорий цифровизации и цифровой трансформации на деле не так очевидно. Например, отдельные ученые отмечают, что цифровую трансформацию можно понимать как этап цифровизации [6. – С. 18–19], в этом контексте оба этих процесса выступают как средство достижения конечной цели – повышения эффективности исходного явления.

Соотношение вышеприведенных категорий требует, на наш взгляд, ответа на вопрос «Какими методами (способами) достигается искомое преобразование изменяемого явления?». В основе цифровой трансформации лежит применение

новейших технологических решений в сфере искусственного интеллекта, облачных вычислений, больших данных, машинного принятия решений, которые ориентированы не только и не столько на оптимизацию традиционных процессов, сколько на создание условий для формирования принципиально новых паттернов взаимодействия с клиентами (контрагентами), кратное увеличение показателей эффективности за счет использования инноваций.

Цифровизация, по нашему мнению, состоит в применении технологических решений к уже отлаженным системам организации общественной жизни и в этом смысле схожа с автоматизацией таких систем. Как и автоматизация, цифровизация предполагает изменение существующей модели организации отношений под определенным углом: при автоматизации – перевод процессов из ручных в автоматические, при цифровизации из автоматических – в автоматические в контексте функционирующей информационной системы, объединяющей программно-технические возможности изменяемого и иных процессов.

Таким образом, автоматизация направлена на применение мощностей электронно-вычислительных машин для конкретного процесса или группы процессов, на замену ручного труда [19. – С. 8–11], в то время как цифровизация направлена на преобразование процессов с их перегруппировкой и совершенствованием путем внедрения специфического программного обеспечения, а также информационных систем, объединяющих, структурирующих процессы [5. – С. 92].

Отдельной категорией, представляющей интерес в контексте настоящей работы, является информатизация. Информатизацию возможно понимать в двух смыслах: в узком – как процесс внедрения информационно-телекоммуникационных технологий, преобразования структур производства, хранения, использования и передачи информации, внедрения электронного документооборота (А.И. Ракитов) [9. – С. 34–35], а в широком – как категорию более масштабную, характеризующую процесс перехода общества к новому технологическому укладу, его преобразования в «более совершенную формацию» [13. – С. 48]. Оба подхода могут быть использованы для определения системных взаимосвязей между обозначенными дефинициями, однако в рамках настоящей работы представляется возможным понимать информатизацию в широком смысле.

Такое понимание позволяет воспринимать информатизацию как способ обеспечения «суверенизации информационного пространства» [7. – С. 51–52, 233–243] посредством глобального преобразования способов информационного обмена, цифровой трансформации всех сфер социально-политического измерения, обеспечения технологической независимости и защищенности в условиях сформировавшегося глобального информационного пространства [17. – С. 322–325].

Исходя из изложенного, представляется, что цифровая трансформация определенных сфер человеческой жизнедеятельности, с одной стороны, происходит как объективное следствие технологического скачка последних десятилетий, концептуализации и претворения в жизнь такого явления, как информационное общество, преобразования запросов и потребностей современных социальных структур, а с другой стороны, является проектом и продуктом стратегических государственных инициатив, направленных на обеспечение информационного суверенитета, реализации государством информационных функций.

Поэтому вполне логичным видится то, что государственное управление является одной из наиболее перспективных областей для комплексного преобразования [2. – С. 8], внедрения современных технологических решений, что обусловлено как потребностью повышения эффективности, транспарентности управленческих процессов, так и необходимостью обеспечения достижения стратегических целей, например, в контексте реализации Доктрины информационной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Этим же объясняется интерес отечественной правовой науки к поиску эффективного внедрения цифровых решений в сфере публичного управления [20. – С. 6].

Категория «машиночитаемого права» также характеризуется отсутствием однозначного подхода к ее пониманию. В различных научных исследованиях концепт машиночитаемого права описывается такими терминами, как «машинное право», «машинизированное право», «алгоритмизированное право», «онтоцифровое право» и собственно «машиночитаемое право». Для целей настоящей работы представляется возможным не углубляться в исследование терминологических аспектов, а сконцентрировать внимание на содержании явления, обозначаемого как машиночитаемое право.

В ранее упомянутой концепции машиночитаемого права оно определено как «основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения)».

Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор излагают два основных подхода к пониманию машиночитаемого права: как текстовой формы нормативного положения, способной к некоторой визуализации с помощью машины (когда структура нормы подвержена разметке), либо как формы выражения правовых норм посредством машинного языка (языка программирования), обуславливающей «понимание» машиной структуры и смысла правового предписания, что определяет возможность использования таких норм в нормативном конструкте – «машиноисполняемость» правовой нормы [21. – С. 134–135].

И. В. Понкиным машиночитаемое и машиноисполняемое право характеризуется как концепция («регулирование как код»), представляющая собой способ преобразования нормативных документов и их логики в компьютерные образы, выражаемые в машинных и кодоподобных формах, включающая в себя создание специализированных языков, основанных на стандартизированных компьютерных языках и юридикотехнических метаязыках, что позволяет конвертировать правовые нормы в таксономизированную компьютерную логику¹.

По Н.Ф. Порываевой, машиночитаемое право представляет собой результат так называемой алгоритмизации права – созданный посредством применения технических норм набор правовых структур, обладающих характеристиками алгоритмов и сводящихся к регулированию определенных правовых ситуаций (прецедентов) [15. – С. 12].

М. А. Липчанская и С. А. Привалов рассматривают машиночитаемое право с технологической точки зрения, определяя его как совокупность технологических решений (искусственного интеллекта), применяемых в целях интеграции пра-

вового конструкта в рамках машинного казуистического правоприменения – «автоматической» реализации прав человека [11. – С. 85–96].

В рамках рассмотренных подходов можно заключить, что сущностные различия в определении категории машиночитаемого права сводятся к ответам на несколько вопросов: «Понимает ли машина правовую норму?», «Ограничивается ли возможность понимания машиной структуры нормы формальным анализом казуальных элементов (состав участников, юридические предпосылки правоприменения и др.) и квалификацией правовых последствий?», «Способна ли машина выйти за рамки правовой нормы в ее формально-догматическом смысле?».

Ответы на указанные вопросы дают, на наш взгляд, возможность условно разделить подходы к определению понятия и правовой природы машиночитаемого права на 3 категории:

1) машиночитаемое право – представленное в программном виде правовое предписание, аккумулируемое машиной в целях дальнейшей его визуализации посредством определенных программных решений (машина не понимает сущности и содержания правовой нормы, а является преобразующим звеном между способами представления информации);

2) машиночитаемое право – алгоритмизированное (структурированное и трансформированное в код) правовое предписание, анализируемое машиной в контексте поступающих извне исходных данных с целью выработки правовой квалификации явления и возможного задействования существующих программных решений конкретного казуса;

3) машиночитаемое право – форма существования правовой реальности, характеризующаяся высоким уровнем понимания машиной всей совокупности правовых явлений, системы права и законодательства (онтология права), возможностью использования множества сценариев взаимодействия с «живой» правовой реальностью, интеграции в различные социально-регуляторные структуры.

Выделенные нами категории носят весьма общий характер и для целей более глубокого исследования требуют дальнейшей конкретизации. Вместе с тем, говоря о машиночитаемом праве как об инструменте цифровой трансформации государственного управления, следует отметить, что интерес представляют все вышеуказанные категории. В этом смысле концепция машиночи-

¹ Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онтоинженерия в праве : учебник. – М. : Буки Веди, 2021. – С. 86–88.

таемого права может обладать свойствами эволюционности – трансформационного перехода от сугубо технических представлений о машиночитаемых правовых конструкциях к наиболее отдаленному, в некотором смысле трансцендентному, пониманию рассматриваемой конструкции.

В данной логике «эволюционным двигателем» изменения подхода к применению машиночитаемого права на определенном этапе цифровой трансформации государственного управления представляется комплекс условий: существующий уровень технических и технологических решений, теоретическая проработанность рассматриваемого вопроса, методологические решения концептуальных проблем.

Необходимо отметить, что концепция машиночитаемого права представляет собой следствие возникновения исторических предпосылок, связанных в том числе с вышеуказанными факторами. Н. Ф. Порываева отмечает, что формированию концепции машиночитаемого права предшествовала совокупность научно-технических и общественно-политических предпосылок, в том числе повсеместное распространение информационно-телекоммуникационных технологий, как следствие – преобразование структуры общественных отношений, ориентация государственной политики на внедрение новейших технологий в различные сферы социального измерения с целью достижения технологического лидерства [16. – С. 707–708].

На современном этапе, на наш взгляд, немаловажной предпосылкой представляется нарастающая деглобализация – процесс разинтеграции в том числе информационной сферы глобального пространства. Характерными явлениями этого процесса являются переход от глобального к региональному сотрудничеству, становление тенденций суверенизации и обеспечения независимости, в том числе информационной, технологической и правовой.

Наконец, государственное управление можно характеризовать как совокупность общественных отношений субординационной природы – властеотношений, концептуально выражающихся в формах, присущих структуре реализации властных полномочий публичным субъектом. Для Российской Федерации и иных стран с демократическим политико-правовым режимом реализация государственного управления происходит в контексте разделения властей.

В контексте применения машиночитаемого права в государственном управлении можно считать аксиоматичным утверждение о том, что применительно к каждой из ветвей власти концепт машиночитаемого права интересен с различных сторон. Так, говоря о «законодательном направлении» государственного управления, целесообразным представляется расширение рассматриваемой области до категории нормотворчества с включением в нее процессов подзаконного нормотворчества, систематизации законодательства.

Стоит отметить, что, несмотря на достаточно ранний этап формирования механизмов внедрения машиночитаемого права в государственное управление, отдельные наработки в указанной области имеются и применяются уже сегодня. В соответствии с пунктом 4 статьи 4 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», федеральным органам исполнительной власти в соответствии с планом-графиком предписано осуществить подготовку и государственную регистрацию административных регламентов оказания государственных услуг в электронном машиночитаемом виде посредством федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)».

Конструктор цифровых регламентов – цифровая база разработки государственными органами административных регламентов – находится на этапе формирования и потому характеризуется достаточно ограниченными функциональными возможностями. Однако, говоря о практике применения конструктора цифровых регламентов, необходимо понимать, что в настоящее время не идет речи о внедрении принципиально новых технологий машиночитаемого права. В данном случае нужно говорить скорее об алгоритмизации уже существующих клиентских путей в рамках установленного регулирования предоставления государственных услуг (функций). Рассматриваемую здесь практику можно обозначить как нечто среднее между категориями 1 и 2 понимания машиночитаемого права, описанными выше. Машина в подлинном смысле еще не понимает юридический текст и не способна его применять, вместе с тем в случае успешной разработки и регистрации нормативных правовых актов уровня административных регламентов опыт приме-

ния технологий машиночитаемого права можно будет в целом признать позитивным.

Что касается перспективных направлений внедрения технологий машиночитаемого права в сферу нормотворчества, в первую очередь необходимо отметить те, что обозначены в Концепции развития технологий машиночитаемого права: рост скорости и качества разработки нормативных правовых актов, снижение влияния человеческого фактора при нормотворческом процессе, проведение правовой экспертизы нормативного правового акта в автоматическом режиме.

С обозначенными в Концепции преимуществами можно согласиться. Технологии машиночитаемого права могут стать базой для создания принципиально новой информационной системы по разработке нормативных правовых актов, позволяющей органам государственной власти создавать и изменять такие акты с высокой степенью автоматизации текущих процессов, с существенным упрощением ряда бюрократических процедур (внутриведомственное, межведомственное согласование, направление нормативного правового акта на государственную регистрацию в уполномоченный орган), а также с возможностью выявления и своевременного устранения коррупционных факторов. Необходимо отметить, что планы по разработке подобной системы уже существуют. В 2022 г. Минэкономразвития России заключило государственный контракт на разработку государственной информационной системы «Нормотворчество», а в 2023 г. разместило для общественного обсуждения проект положения о порядке ее функционирования.

Кроме того, весьма широкие перспективы открывает возможность разрешения на базе подобной системы с машиночитаемыми нормативными базами и технологиями искусственного интеллекта проблемы систематизации законодательства, прежде всего на региональном и муниципальном уровнях. Обозначенная на площадке XII Петербургского международного юридического форума проблема систематизации указанных нормативных правовых актов¹, по меньшей мере

в части их многочисленности, необходимости оценки их непротиворечия иным актам более высокой юридической силы, квалификации их как нормативных правовых, может быть решена путем машинного анализа и проведения необходимых действий в автоматическом режиме.

В литературе по данному вопросу отмечается также важность обеспечения единообразного толкования машиночитаемых правовых норм [23. – С. 91]. Вместе с тем такой довод видится спорным по причине отсутствия универсального языка изложения машиночитаемых норм с учетом возможности и необходимости их непосредственного восприятия человеком. Возможность разработки такого языка на сегодняшний день вызывает сомнения [24. – С. 20–26].

Однако формирование единого машиночитаемого банка правовых данных при условии их структурирования и «понимания» их машиной выступает необходимой предпосылкой формирования всех «машиноисполнительских концепций» – реализации административных полномочий, осуществления контрольных (надзорных) мероприятий путем документационного анализа, осуществления «машинного правосудия» на основе применения машиночитаемых правовых предписаний.

Говоря о возможных преимуществах в рамках реализации органами государственной власти административных полномочий с использованием технологий машиночитаемого права, следует отметить две основных составляющих: высокую степень автоматизации реализации предоставленных органам государственной власти полномочий, требующих осуществления правоприменения на основе анализа представленных документов (особенно в части оказания государственных услуг/функций в «проактивном режиме»), и снижение роли человеческого фактора (в том числе в части гипотетической ошибки правовой квалификации общественных отношений, определения применимых норм права, пределов усмотрения при применении конкретного нормативного положения). В целом правоприменение должно характеризоваться снижением издержек со стороны государства, повышением скорости и эффективности принятия решений [4. – С. 102–109].

Наконец, для судебной ветви власти основные преимущества внедрения технологий машиночитаемого права связаны со снижением нагрузки на суды и судей. Достижение указанного эффекта возможно за счет нескольких составляющих, в том числе автоматизации оформления

¹ Подробнее см. Вопросы систематизации региональных и муниципальных правовых актов обсудили на ПМЮФ-2024 // Пресс-служба Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – URL: <https://msal.ru/news/voprosy-sistematizatsii-regionalnykh-i-munitsipalnykh-pravovykh-aktov-obsudili-na-pmyuf-2024/> (дата обращения: 17.08.2024).

судебного дела от момента поступления искового заявления до вынесения последнего судебного акта и сдачи дела в архив.

Ключевой технологией в контексте рассматриваемого направления является возможность «осуществления правосудия искусственным интеллектом»: искусственный интеллект на основе машинизированных документов – доказательств по делу, а также с применением машиночитаемых норм права будет способен подготавливать проекты решений дел типовых, несложных категорий, создавая возможность более детального рассмотрения дел, требующих более сложной квалификации общественных отношений, либо при обнаруживающейся неоднозначности в применении нормативных положений.

Иным немаловажным преимуществом является возможность автоматического анализа всех принимаемых судебных постановлений с возможностью глобального обобщения судебной практики, информирования органов судейского сообщества о складывающейся неоднородной практике по группе дел с целью оперативного разрешения такой неоднозначности.

Вместе с тем необходимо отметить, что реализация обозначенных преимуществ требует внедрения иных, наиболее эффективных технологий (в частности, искусственного интеллекта, систем больших данных). Однако до выработки методологической и технологической основы, позволяющей применять технологии машиночитаемого права, внедрение вышеуказанных технологий представляется крайне затруднительным. Таким образом, машиночитаемое право представляется технологией, являющейся базисом осуществления цифровой трансформации нового уровня, в связи с чем выработка механизмов применения машиночитаемого права требует известного приоритета в рамках процесса переустройства системы реализации власти уполномоченными органами.

Рассмотрев наиболее привлекательные стороны феномена машиночитаемого права, обратимся и к имеющимся затруднениям в практике внедрения соответствующих технологий. В самом деле, отмечая длительный характер исследований в указанной области, мы акцентируем внимание на том, что с практической реализацией прорывных решений возникают проблемы.

Отдельным аспектам таких проблем посвящены работы Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора [21. – С. 137–148], М. А. Липчанской и С. А. Привалова

[10. – С. 428–429], Ю. С. Балалаевой [1. – С. 620–622], А. И. Зазулина [8], Т. В. Высогурской [4. – С. 106–109] и др. Вместе с тем в настоящей работе хотелось бы остановиться на вопросах, представляющих первоочередный юридический интерес.

Как отмечал Ю. А. Веденеев, юриспруденция представляет собой совокупность юридических текстов, систему языков [3. – С. 12]. Для понимания права, его толкования, применения необходимо с предельно допустимой точностью устанавливать содержание правового предписания, имея в виду, что юридический текст конструирует правовую реальность, определяет должный и не должный формат поведения отдельных личностей и общества в целом, разрешает фундаментальные вопросы человеческого общежития. В этой логике вопрос определения языковых категорий и – шире – языка «правоописания» является центральной проблемой любой системы, реализующей интерпретацию нормативных положений с точки зрения языков программирования.

В литературе по данному вопросу [21. – С. 137–148; 14. – С. 235] и в Концепции развития технологий машиночитаемого права отдельно отмечаются трудности методологического решения проблемы перевода юридических текстов в машиночитаемый вид. Эти трудности носят двойственный характер и обуславливаются как уровнем современного технологического развития, так и отсутствием единого подхода к ответу на вопрос о наиболее эффективном языковом инструменте для решения поставленной задачи.

При этом имеется ряд иных факторов, подтверждающих фундаментальность проблемы языка для машинного понимания правовых категорий: с известной степенью условности их можно обозначить как проблему аксиологии права и вытекающую из нее проблему иерархии нормативных предписаний.

В первом случае речь идет о том, что правовые нормы сконструированы в социокультурном, политико-экономическом контекстах. Исходя из указанных вводных данных, содержание наиболее важных, системообразующих правовых предписаний определяется в основном через систему общих положений – принципов. Принципы права в целом, законодательства в общем и конкретных отраслей в частности различны между собой, иногда не соотносимы. При этом именно принципы призваны определить логику построения правовой системы, в связи с чем каждый субъект правовых отношений разумно ожи-

дает (и вправе ожидать), что при правоприменении контекст использования конкретной правовой нормы будет подчинен обозначенным базовым положениям, а в случае противоречия конкретной нормы принципам субъект вправе рассчитывать на ее неприменимость.

При этом описание логики действия норм-принципов представляет собой одну из наиболее сложных задач при разработке и внедрении технологий машиночитаемого права, поскольку зачастую такие нормы носят оценочный характер, не поддаются формальной логике и требуют исследования правовой нормы в рамках наиболее общих категорий, не формализованных в требующемся машине формате.

Отсюда же вытекает иная проблема – проблема иерархии нормативных предписаний. В случае, если бы право конституировалось на подходе, изложенном Гансом Кельзеном, понимание машинами системы права и законодательства не представляло бы затруднений. Однако построение идеальной иерархии правовых предписаний даже в логике формально-догматической юриспруденции представляется затруднительным.

В качестве иллюстрации можно обозначить одномоментное существование и использование в правоприменении принципов «*Lex specialis derogat generali*» и «*Lex posterior derogat priori*». Несмотря на то, что Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» разъяснял соотношение данных подходов еще 20 лет назад, трудно представить алгоритмы, позволяющие машине определять приоритет одного из указанных принципов.

Очерченные проблемы имеют особое значение, когда мы обращаемся к вопросу об использовании рассматриваемых технологий применительно к механизмам, связанным с публичным властвованием – т. е. в дискурсе необходимости обеспечения баланса интересов, приоритета защиты прав человека, предотвращения «неправового правоприменения». И в этом смысле возникающие риски девиантного правоприменения видятся намного более значимыми, чем преимущества, которые могут быть получены на новом

витке цифровой трансформации государственного управления с учетом внедрения технологий машиночитаемого права.

Таким образом, были рассмотрены такие явления, как машиночитаемое право, его концепт и перспективы использования как инструмента цифровой трансформации различных сфер государственного управления. Было показано, что в условиях развития информационного общества и роли информации в различных областях жизнедеятельности внедрение наиболее передовых технологий (в том числе машиночитаемого права) в сфере государственного управления является одним из элементов обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации.

В ходе исследования были выявлены основные преимущества внедрения машиночитаемого права в различные области государственного управления. Это позволило сделать вывод о том, что технологии машиночитаемого права обеспечивают возможность применения иных перспективных информационных технологий, в связи с чем поиски механизмов реализации машиночитаемого права требуют приоритизации в контексте цифровой трансформации деятельности органов государственной власти. В связи с этим теоретическое осмысление и поиск решения проблем, обозначенных в литературе, и вопросов, поднятых в настоящей работе, видятся актуальными и необходимыми.

Список литературы

1. Балалаева Ю. С. Изменение правотворческого процесса в условиях развития и внедрения технологий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // Юридическая техника. – 2023. – №17. – С. 618–322.
2. Буров В. В., Петров М. В., Шклярук М. С., Шаров А. В. «Государство-как-платформа»: подход к реализации высокотехнологичной системы государственного управления // Государственная служба. – 2018. – №3 (113). – С. 6–17.
3. Веденеев Ю. А. Юридическая наука в системе междисциплинарных связей // Lex Russica. – 2017. – №6 (127). – С. 9–32.
4. Высогурская Т. В. Машиночитаемое право: актуальные вопросы автоматизации права в правовой системе Российской Федерации // Прометей : Научный альманах Студенческого научного общества Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Сочи, 02–03 декабря 2021 года / отв. ред. А. Ю. Яковлева-Чернышева. – Выпуск 2. – Ростов-на-Дону : Профпресслит ; Сочи : Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 2022. – С. 102–109.
5. Гумеров И. Р. Цифровая трансформация государственного управления в России // Вестник ННГУ. – 2022. – № 3. – С. 91–99.
6. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Старостина А. Н. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности : монография. – М. : Дело (РАНХиГС), 2021.
7. Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2021.
8. Зазулин А. И. Мечтает ли искусственный интеллект об идеальных правовых актах? // Закон.ру. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/05/12/mechtaet_li_iskusstvennyj_intellekt_ob_idealnyh_pravovyh_aktah
9. Концепция информатизации советского общества : препринт / под ред. Д. М. Гвишиани. – М. : ВНИИ системных исследований, 1989.
10. Липчанская М. А., Привалов С. А. Перспективы и проблемы использования машиночитаемого права в судопроизводстве // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – № 4. – С. 424–431.
11. Липчанская М. А., Привалов С. А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 10. – С. 85–96.
12. Молдован А. А. Особенности цифровизации и цифровой трансформации, их теоретические аспекты и различия // E-Scio. – 2023. – № 7 (82). – URL: https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2023/09/E-SCIO-7_2023.pdf
13. Нарыжный Н. А. Классические подходы и современная интерпретация понятия «информатизация» // Вестник Института экономических исследований. – 2020. – № 2 (18). – С. 45–52.
14. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 231–236.
15. Порываева Н. Ф. Алгоритмизация права : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022.
16. Порываева Н. Ф. Предпосылки возникновения машиночитаемого права // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 706–709.
17. Романова А. В. Понятие и сущность глобального информационного пространства // Молодой ученый. – 2022. – № 46 (441). – С. 322–324.
18. Темников А. О. Современные подходы к определению термина «Цифровая трансформация» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 3. – С. 222–229.
19. Тырса К. А. Автоматизация бизнес-процессов в корпоративном и государственном управлении // Молодой ученый. – 2022. – № 48 (443). – С. 8–11.
20. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9 (261). – С. 5–16.
21. Хабриева Т. Я. Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. – М. : РАН ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Инфра-М, 2023.

22. Цифровая трансформация: ожидания и реальность: доклад НИУ ВШЭ к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский, М. А. Гершман, Л. М. Гохберг и др.; руководитель авторского коллектива П. Б. Рудник. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.

23. Шаршун В. А. Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития // Право.by. – 2022. – № 1 (75). – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2022/mashinochitaemoe-zakonodatelstvo-ponyatie-spetsifika-perspektivy-razvitiya/>

24. Янковский Р. М., Вашкевич А. М., Иванов А. Ю., Наумов В. Б., Незнамов А. В., Щёкин Д. М. Машиночитаемое право: правовой вызов современности // Закон. – 2021. – № 10. – С. 20–26.